Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

III-й ГОД ИЗДАНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР

29-го марта 1929 г.

№ 13

ЖУРНАЛ ГЛАВИСКУССТВА (НАРКОМПРОС РСФСР)

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Отв. ред. Л. Л. ОБОЛЕНСКИЙ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Теа-Кино-Печать, Страстн. бульвар 4, тел. 2-83-90.

Нар. арт. П. Н. Орленев читает в РТО 16 марта свои воспоминания

ОРЛЕНЕВ О СЕБЕ

«Актер горд—его место в буфете»—эти слова Шмаги («Без вины—виноватые» А. Островского) может сказать про себя и П. Н. Орленев, в воспоминаниях которого пьянство, кутежи, дебоши занимают исключительное место.

В юности он пил и кутил с горя, не видя исхода своим творческим порывам, вынужденный играть только в водевилях. Позже, когда пришла слава, пил и кутил «на радостях», упоенный этой славой.

Дебоширства в пьяном виде привели П. Н. Орленева к отсидке по приговору мирового судьи, и неделю провел он в трезвом состоянии в кутузке. Это так преобразило артиста, что А. С. Суворин сказал ему:

— Какой вы свежий, вас бы почаще сажали.

В своем заточении П. Н. Орленев работал над ролью Арнольда Крамера в пьесе Гауптмана «Микаель Крамер». Он вообще в моменты своего творчества, работая над ролью, бросал пить, но много ли было таких моментов? За период с 1897 г., когда он создал роль царя Федора, до 1904 года, на котором обрываются пока его воспоминания, им создано 5—6 ролей. В эти периоды творчества Орленев напряженно работал, остро наблюдал, жгуче переживал внутреннюю жизнь тех героев, которых ему приходилось изображать. Период работы над ролью Раскольникова Орленев считает переломным:

—Я не раз проклинал Дельера (автора инсценировки романа Достоевского «Преступление и наказание»), он убил во мне жизнерадостность, до этого я кутил, дурачился, но после того, как стал работать над Раскольниковым, начал мрачно пьянствовать.

От постоянной службы в театре П. Н. Орленев (в 1899 году) перешел к системе гастролей. Толкнули его на это сами антрепренеры, которые наживали на его гастролях тысячи, спаивая его ради того, чтобы дешевле получить его. Орленев, имея большие гонорары, все прокучивал, угощая труппу и всяких прихлебателей, а чтоб выехать из города, ему приходилось брать аванс у нового антрепренера. Старый антрепренер за счет этого нового уплачивал долги Орленева, покупал билет и отправлял его в другой город «наложенным платежем», получая свои издержки от нового антрепренера.

Так за круговой порукой антрепренеров-эксплоататоров и текла артистическая жизнь нашего русского Кина.

Но и сам Орленев легко пошел по этой дорожке.

— Я быстро понял, что в качестве гастролера мог предписывать законы, раздавать роли и играть только то, что хочу.

Однако не легко было при царской цензуре добиться этой желанной роли. Те пьесы, которые привлекали Орленева, были под запретом.

Два года мечтал Орленев сыграть царя Федора. А. С. Суворин сомневался, чтоб пьесу разрешили:

— Очень уж царь Федор похож на Николая II своей бесхарактерностью, говорил он.

Но и после того, как пьесу разрешили играть в Москве и Петербурге, для провинции она оставалась под запретом. Орленеву удалось добиться разрешения ставить «Царя Федора» в своей поездке, сыграв «на слабой струне» начальника главного управления по делам печати М. П. Соловьева, расположением которого Орленев заручился тем, что расхвалил его книги об Италии и просил составить для него маршрут путешествия по Италии. Но чтоб осуществить такую поездку, надо заработать деньги, и М. П. Соловьев, растроганный лестью, дает разрешение на постановку «Царя Федора» в провинции.

Два года добивался Орленев разрешения пьесы Ибсена «Привидения», уже играл он эту пьесу в медвежьих углах, пользуясь тем, что была разрешена какая-то пьеса другого автора под тем же названием. Малограмотные исправники не разбирались в литературных тонкостях и подписывали афиши, но официальное разрешение на пьесу Ибсена Орленев получил тоже благодаря хитрости. Он узнал от артистки близкой к цензору Литвинову, что тот после самоубийства сына не выносит вида револьвера. Орленев является на квартиру к Литвинову и просит разрешить «Привидения», грозя застрелиться на его глазах, если в просьбе будет отказано.

Вот в каких условиях приходилось искать ролей, играть которые призывали творческие инстинкты, а работать нужно было в условиях «торгового заведения», каким делали театр тогдашние антрепренеры.

П. Н. Орленев вспоминает об одной из своих встреч с А. П. Чеховым:

— Хотите, Павел Николаевич, я для вас пьесу напишу, говорит Чехов.

— Конечно, хочу.

— А знаете, как будет называться эта пьеса?

— Нет, не знаю.

— «Орленев», сказал Антон Павлович.

Этой пьесы Чехов написать не успел, в ней, вероятно, он раскрыл бы все условия жизни и творчества русского актера, всю мятущуюся душу художника, вынужденного творить под грубым полицейским сапогом в мрачную эпоху царизма.

А. В.